

Григор Зограб

Долг Отца

Глава I

В руках у него была черная кожаная сумка, с которой он с утра до вечера ходил по улицам. Эта прочная кожаная сумка была неразрывным другом его жизни. В ней он каждый вечер носил нужды для дома, носил мясо и хлеб, либо какой-нибудь плод для двух своих маленьких детей, которые исправно и с надеждой каждый день скучивались вокруг этой сумки.

Все, что нажил этот человек своим трудом и потом, было в этой сумке. На протяжении тридцати лет он безуспешно пытался наполнить доверху сумку, которая казалась без дна. Доверху наполняли эту сумку лишь бедствия, в ней была вся борьба за существование. Там были и его радость, и боль, и воспоминания.

И в ясные, и в темные дни сумка была при нем: переменчивая у нее была судьба, как у ее хозяина, и, подобно ему, казалось, у нее была душа. Кто из этих двоих был хозяином? Спустя тридцать лет, когда невезение охватило его своей железной петлей, этот человек понял – эта бесчувственная сумка всегда была его хозяином.

Глава II

Среднего роста, бородатый и седовласый был сейчас Овсеп ага. Когда-то он был торговцем, держателем магазина, и постепенно-постепенно скатился до торгового посредника: из магазина в магазин, от двери к двери доставлял и забирал наборы хлопковой ткани и белья. День ото дня он понапрасну исполнял роль миротворца между покупателями и продавцами, которые в итоге все равно упрямились, и отчаявшийся Овсеп ага уходил с пустыми

руками. Как бывший торговец, он прекрасно был знаком с кризисами этого дела, и вот этот кризис снова властвовал над ним, над его скромным житьем-бытьем, и грозился погубить его с концами.

Ах, если бы он был один! Тогда все это не имело бы никакого значения. Но две его дочери смотрели на него всем своим детским очарованием и грезами. Они уже не малышки, а рассудительные маленькие девочки, которые, как им полагается, имеют свои невинные желания и ожидания.

Эти дети – все его счастье – давили сейчас на него своими невинными, 14-15 летними девичьими улыбками, в которых его отцовские глаза усматривали упреки. Переступая порог дома, он ощущал себя преступником пред этими двумя душами, приговоренными к нуждам и лишениям. Он возвращался домой, виновато понутив голову и всегда надевая на лицо маску радости, под которой пряталась горечь беспомощного, потерянного человека.

Глава III

Их маленький дом располагался на возвышенности Скютара (квартал в Стамбуле – прим. ред.). В нем за месячную плату проживало трое: отец и две дочери, мать которых давно умерла. Молодая женщина на портрете, который висит на стене в маленькой комнате – это она. Скончалась она в один из беззаботных дней от болезни груди, о которой можно догадаться, посмотрев на ее белое, бескровное лицо на портрете.

Но память о ней живет – не было и дня, чтоб не выполнялось ее слово. Вечером, когда девочки разойдутся, обедневший торговец еще останется перед портретом своей безвременно скончавшейся жены, безмолвный и отстраненный, и в этих немигающих глазах, смотрящих на него через позолоченную раму, он будет искать поддержку, ждать помощь по ту сторону могилы.

Его жизненная энергия с каждым днем уменьшалась подобно его когда-то существовавшему капиталу. Сейчас он чувствовал, что и храбрость постепенно исчерпывается из его сердца.

С самого утра в его дрожащей руке уже находится сумка, с которой он раз за разом возвращается на пристань в ожидании, что торговцы могут подбросить ему работку, словно милостыню, а он будет слоняться, иногда посмеиваясь в их разговор, высказать свое мнение – всегда выгодное и всегда дельное.

Он ходит всегда немного позади линии торговцев, держа в руках неразделимую сумку. Видя, что торговцы терпят от кого-то убытки – пуще них начинает злиться на этих людей, называя их обманщиками и мошенниками за то, что они обманывают его торговца, этого честного человека.

В радостные минуты он веселил торговцев маленькими красивыми рассказами, заставлял их смеяться в ожидании, что они дадут ему работку на грядущий день. И торговцам нравился этот взрослый человек, в котором не было коварства.

Глава IV

Торговцы придумывали новые способы экономии: пошлины, оплаты за канцелярию и посредники были им в тягость. И Овсеп ага, который ходил позади с почерневшей сумкой, сейчас дрожал.

– Овсеп ага, тебя это не касается, – успокаивали его торговцы, – ты наш человек.

С облегчением вздыхал бедный человек, но работы становилось все меньше: дневной заработок становился тяжелой каторгой, долги накапливались со всех сторон. Его одежда пока была чистой и опрятной, и по его внешнему виду никто бы не догадался о его ужасном положении.

И продолжал он носить в руках сумку, которая, качаясь из стороны в сторону, сейчас была просто бесполезным приложением. Но если бы он отбросил ее в

сторону, признав пред миром всю безнадежность, что бы сказал этот мир, увидев его с пустыми руками?

В этот вечер он за тридцать грошей продал свои медные маленькие часы, и сумка снова смогла немного наполниться.

Глава V

В доме царило веселье и радость. Иногда девочки расспрашивали отца о его положении, видимо, предчувствуя что-то.

– Как твоя работа, отец? – спросила старшая.

И младшая, голубоглазая светлая девочка, которая была копией матери:

– Не оставайся так надолго.

Отец смеялся: нет, с работой все в порядке, с божьей помощью будет еще лучше.

– Завтра приди пораньше и поведи нас гулять.

И жалкий отец обещал, все обещал.

Представьте направление, где красивый вид – это отверстие в туннели с темными каменными стенами, на другой стороне которого никогда не увидишь ожидаемые лучи света.

И рано-рано утром, первым пароходом он отправляется в Полис, в своей бессильной руке сжимая опустошенную сумку, этого вечного ненасытного врага, который за тридцать лет никогда не насыщался. И здесь, под рукой, он сжимал ее, словно пытался задушить, уничтожить этот опустошенный живот.

Глава VI

Как же так происходит, что человеку не хватает денег на хлеб или что он остается стоять неподвижным на месте, потому что у него нет денег на пароход?

Овсеп ага прокручивал в голове эти вопросы, старался найти решение, и, прохаживаясь по улице, прощупывая под пальцами свою пустую сумку, вместо пути домой наматывал круги, думая о том, что он рядом со своими прекрасными детьми, хотя бы на момент забывая свое нищенское положение, чтобы хотя бы на секунду побыть богатым и всемогущим: он бы смог оставить этот маленький дом и поселить детей в более роскошный, новые платья, шапки, давая им больше, чем просто вещи первой необходимости, гораздо больше, и, видя их восторг, испытывать великое наслаждение.

Какое легкое и какое тяжелое счастье. И его сумка из грубой дырявой кожи дрожала под его рукой, возвращая его в реальность. Потом начались последние уловки для добычи средств к существованию, мелкие и ужасные: под предлогом починки он стал уносить из дома вещи и продавать их за ничтожную плату.

Для нужд дома он снова и снова, каждый день обращался в разные магазины, к разным торговцам, сближаясь, строя дружеские отношения с ними, чтобы они давали ему в кредит. Все это была бесполезная трата сил – чтобы наполнить, ах, хотя бы частично наполнить его требовательную сумку, которую он все еще носил с собой, не понимая зачем, без всякой необходимости, бессознательным движением.

Глава VII

Этим утром его старшая дочь дала ему в руки сумку:

– Не забудь, как вчера, мясо купить, и принеси немного плодов. И сыр.

И вслед отцу, который спешил удалиться, продолжала череду своих мелких незначительных просьб.

Он сжимал в руках три металлических десятка, которые должен был отвезти в Полис. Как он вернется вечером? И жалел, как же он жалел о том, что обосновался в квартале Скютар, откуда нельзя дойти пешком в Полис, и нет у него этой великой храбрости – вернуться домой с пустыми руками.

В пароходе он сел подальше от знакомых, с краю, рядом с вшивыми людьми. Удобно расположил рядом с собой сумку, заботливо подправив ее складки. Затем его внимание заняли звуки колес «пуф-пуф, пуф-пуф»... Внимая звукам, он испытывал удовольствие. В эту секунду в его голове не было ничего, кроме этого звука: кто он? Что он искал на этом пароходе? Куда он должен идти? Не знал, в самом деле не знал.

В Полисе среди торговцев он встретил лишь хмурые и жестокие лица, от одного вида которых у него отнимался голос. Смелость! Скажи человеку, дерзко открывающему и закрывающему свою кассу, что ты обещал своим детям отнести еду этим вечером. Нет, не смог сказать.

Бродил он по рынку, ни слова никому не сказав. Немного посмотрел внутрь магазинов. Потом четверть часа провел перед ларьками ювелиров, восторгаясь бриллиантовыми украшениями: он никогда не мог подарить своим девочкам что-то подобное, и вспомнил, что две его дочери ждут его. Спросил время. Был вечер: в тот же момент он начал бежать – задержался. Нужен был хлеб, и он готов был попросить его у первого встречного знакомого. Удивительно: он, который знал столько людей, никого из них там не встретил.

Прохаживаясь, дошел до моста и остановился. Не смог перейти. У него не было и гроша. В этот момент он почувствовал, что чего-то не хватает. Начал расспрашивать самого себя и нашел причину – где-то забыл сумку. Вернулся за ней, побежал. Но зачем?

Глава VIII

На море плескалось, раскачивалось, колебалось лежащее на спине и всем ростом – на поверхности воды тело. Это был крупный мужчина с широко открытыми, казалось, удивленными, немигающими глазами, смелым взглядом, обращенным в небо, где луна на своем пятнадцатом месяце блестела, словно огромная серебряная монета.

И часть черной сумки, тесно повязанная вокруг шеи человека, оставалась над водой, плескалась вместе с ним, всякий раз немного погружая голову в воду. В ту же секунду голова поднималась, стараясь освободиться от тяжести сумки. На серебряной как зеркало поверхности моря — это тело и свисающая с шеи сумка были похожи на корабль с брошенной вдали, совсем вдали лодкой. В воде они были повязаны так, как не были даже в жизни. Этой кожаной сумке, наполненной камнями, больше не суждено было оставаться пустой.

Ее место более не под рукой человека, где она столько лет «задыхалась» в сложенном, сжатом виде. Нет. Эта сумка своим упрямством и доводившей до отчаяния пустотой олицетворяла, несомненно, долг на шее этого человека. Ее истинное место, стало быть, у него на шее, где она сейчас и утвердилась.

Впервые за тридцать лет она нашла свое истинное место. И сумка радовалась, пиновала и с каждым всплеском морской волны своей грубой шкурой ласкала лицо человека.